

того что, увеселяя зрение и слух, не питает душ. Здравомыслие редко в операх проскакивает. В рассуждении чего, по великим на нее издержкам, по бесчисленным в ней трудам и по многообразным сцеплениям вещей, она подобна той многосложной машине, которая беспрестанно портится. Это, по изречению Августа,* есть «та рыба, которая не стбит золотой уды», или «игра свечи». — Если ж что и имеет в себе хорошего, могущего принести некоторую пользу, то единственно то, что подала случай соединить поэзию с музыкою, как водилось то у древних. — По всем таковым причинам г-да эстетики желают ее исправления, дабы возвысить к той благородной цели, какова была греческая трагедия, от которой она происходит.

Я не вовсе намерен соглашаться с таковым строгим судом, ниже смею защищать оперу. Любимец муз, имеющий доступ к государю, уважение от своих подчиненных и благорасположение к себе публики, которому бы поручено было в управление сие важное зрелище, и посредственностью одного может заслужить благодарность. — Тонких знатоков мало; вкусы различны, — и миг удовольствия — шаг к блаженству. А сего уже и много, когда доставится случай некоторым и несколько часов провести с приятностию. — Какое же другое зрелище к сему способнее, как не опера? — Она, мне кажется, перечень, или сокращение всего зримого мира. Скажу более: она есть живое царство вымыслов и мечтаний поэзии; образчик (идеал), или тень того удовольствия, которое ни оку не видится, ни уху не слышится, ни в сердце не всходит, по крайней мере простолюдиму. — В ней представляются сражения, победы, торжества, великолепные здания, хижины, пещеры, бури, молнии, громы, волнующиеся моря, кораблекрушения, бездны, пламень изрыгающие. Или в противоположность тому: приятные рощи, долины, журчащие источники, цветущие луга, класы, зефиром колеблемые, зари, радуги, дожди, луна, в ночи блестящая, сияющее полудневное солнце. В ней снисходят на землю облака, сидят на них боги, летают гении, являются привидения, чудовища, звери, рыкают львы, ходят деревья, возвышаются и исчезают холмы, поют птицы, раздается эхо. — Словом, видишь пред собою волшебный, очаровательный мир, в котором взор объемлетя блеском, слух гармониею, ум непонятностию, и всю сию чудесность видишь искусством сотворенну, а притом в уменьшительном виде, что будто человек познает тут все свое величие и владычество над вселенной. Подлинно, после великолепной оперы долго находишься в некоем сладком упоении, как бы после приятного сна, забываешь и неприятности в жизни. — Чего же еще желать? — Касательно же моральной ее цели, то что препятствует возвести ее на ту же степень достоинства и уважения, в коем была греческая трагедия? — Известно, что в Афинах театр был по-

* Светоний, римский историк, в жизни сего императора при случае рассуждения о войне упоминает о сей пословице Августовой.